

Белая кошка в черную клетку

Едва Миша приоткрыл дверь, как изнутри раздался громкий, сравнимый с паровой сиреной Танин вопль:

— Стой, зар-р-р-раза!

Миша замер. В следующую секунду его едва не сбил с ног пушистый черно-белый метеор. От неожиданности молодой человек позволил животному проскочить мимо и радостно умчаться вдаль по коридору. Однако спустя секунду Миша уже сориентировался:

— Я мигом! — и, швырнув сумку в приоткрытую дверь, понесся по коридору вслед за беглянкой, благо ее привычки были давно известны. Машка, будучи невероятно свободолюбивой кошкой, не отличалась, однако, особым интеллектом. Ей уже несколько раз удавалось улизнуть, и каждый раз Миша находил ее в конце коридора, забившейся в щель между ящиком со старыми телефонными книгами и телефонным же столиком, на котором уже лет восемь как не было соответствующего названию аппарата.

В предыдущие разы им везло больше: кошку удавалось поймать и вернуть в родную лабораторию до того, как ее успевали увидеть посторонние. Но на этот раз, шагая назад по коридору с присмирившей Машкой в руках, Миша наткнулся на выходящих из соседней лаборатории Николая Семеновича Деньжинского и одну из его лаборанток. Оба они застыли посреди коридора и уставились на Машку.

— Разрешите пройти? — буркнул Миша.

— Что это? — не двигаясь с места, поинтересовался Деньжинский.

— Кошка.

Деньжинский молча переводил взгляд с Машкиной невозмутимой морды на Мишину невозмутимую физиономию. Миша понял, что присутствует при событии исторического масштаба: Деньжинский растерян и не знает, что сказать! Молодой человек подался вперед, тем самым намекая, что не собирается стоять здесь до вечера, и Николай Семенович невольно сделал шаг в сторону. Миша зашагал к лаборатории.

— А почему она такого... такого цвета? — вслед ему раздался голос лаборантки.

— Вы что, черно-белых кошек никогда не видели? — не оборачиваясь, откликнулся Миша.

Подойдя к двери, он собрался было постучать носком ботинка, но тут Таня сама открыла, не дожидаясь стука.

— Кто это был, в коридоре? — поинтересовалась она, еле сдерживая хохот.

— Деньжинский с лаборанткой.

Таня посерьезнела:

— Паршиво. Со Светой или Натальей Михайловной? Хотя это уже все равно.

Юлия Гофри

ФАНТАСТИКА

— Без понятия. — Миша на секунду задумался, затем уточнил: — Пожалуй, скорее с Натальей Михайловной. Постарше женщина.

— Ну да, она! — Таня фыркнула. — А ты молодец все-таки. Уел!

— И заметь, ни словом не соврал, — довольно улыбнулся Миша, глядя Машку по спинке.

По черной спинке в крупную белую клетку.

Однажды, будучи в несколько меланхолическом настроении, Елена Витальевна пожаловалась мужу на неудачи в работе. (Впоследствии дата этого вечера отмечалась в ее лаборатории ежегодно и сопровождалась непременными возлияниями в честь ее замечательного спутника жизни.)

— Понимаешь, Дим, — говорила она негромко, закинув руки за голову и глядя в темноту, — это мечта всей моей жизни. Я из-за этого, можно сказать, и пошла в науку. Конечно, было еще несколько дурацких... как их?... мечтов, мечт.

— Мечтаний, — негромко подсказал муж с соседней подушки.

— Вот. Типа «изобрести средство для бессмертия» и «найти лекарство от СПИДа». Детский сад, одним словом. У всех такие идеи есть, и обычно они отваливаются довольно быстро. Я думала, что и эта отвалилась, а она просто затаилась в каком-то дальнем уголке, годами заставляла по крупицам собирать сведения, информацию, если случайно где-то что-то попадалось. Однажды меня так достали эти постоянные мыслишки, что я решила сесть и логически себе объяснить, почему все это глупости. А когда начала подбирать аргументы...

— Для спора с самой собой? — уточнил муж.

— Да. Так вот, я вдруг поняла, что эта идея, собственно, не противоречит никаким фундаментальным законам. Ничего принципиально невозможного, как в вечном двигателе, там нет. Более того, я поняла, что современный уровень развития науки в принципе может позволить осуществить мою детскую мечту... И вот: второй год бьюсь, добралась до экспериментов, но не могу понять, где же я ошиблась и почему не получается!

— Знаешь, у меня если на работе творится такая ерунда, я кому-нибудь подробно рассказываю, что пытаюсь сделать и как это воплощаю в жизнь. И обычно где-нибудь на пятой минуте вдруг понимаю, что сделал не так.

— Ага, — раздраженно сказала Елена Витальевна, — и кому же я пойду рассказывать? Может, Деньжинскому? Он выслушает, можешь не сомневаться! А через год я узнаю, что мы с ним, оказывается, независимо друг от друга пришли к одинаковым результатам. Ха-ха!.. Тут

ко мне из его лаборатории новый парень перевелся, Миша Снежников, биохимик, невероятно талантлив. Представь, этот Миша чуть не вешался: стоило ему заняться более или менее стоящей темой, как Деньжинский либо отдавал ее другому, либо закрывал совсем. Уж не знаю, чем парень ему не угодил, но у меня он через три месяца уже отправил статью в журнал, а у Деньжинского за два года — ни одной.

— Зачем же идти к Деньжинскому? — сказал Дмитрий. — Попробуй рассказать мне. Хотя бы общий принцип. Тут даже не столь важно, пойму я или нет, — главное, что ты сформулируешь проблему вслух. А кроме того, мне попросту интересно.

Елена Витальевна вздохнула, пытаясь подобрать понятные мужу выражения.

— Представь себе, — наконец заговорила она, — что в ДНК хранится что-то вроде инструкций, как построено человеческое тело. Все, что с телом происходит, закладывается в момент зачатия, ты это наверняка слышал. Какого роста человек будет, какого цвета у него будут глаза и волосы, в каком возрасте вырастут коренные зубы... Разумеется, некие экстремальные обстоятельства могут что-то изменить: скажем, если ребенка плохо кормить, то это отрицательно скажется на росте, а если он будет испытывать недостаток кальция, то зубы выпадут раньше, чем задумано природой. И тому подобное. Однако в каждой клетке его организма останется информация о том, как это все должно было быть в идеале. Так вот, представляешь, как было бы здорово, если бы мы научились заставлять организм использовать эту информацию, чтобы исправить что-то! Например, выпал у человека зуб — найти информацию о том, какой зуб должен расти на этом месте, — запустить, так сказать, программу из ДНК и вырастить на этом месте новый зуб вместо старого.

— Постой. Получается, что можно будет отращивать себе, скажем, новые руки взамен старых?

— Ну... теоретически, но это уже совсем другой этап. Вряд ли в ДНК есть информация о том, как отрастить себе новую руку. Кости и мышцы формируются в самом начале развития одновременно со всем остальным организмом, там все переплетено вместе. Но суть ты уловил!

— То есть разница в том, что для зуба программа уже есть, а для руки ее сначала нужно будет придумать?

Елена Витальевна озадаченно замолчала.

— В некотором смысле, да, — ответила она после паузы. — Но эту программу, которая уже есть, еще нужно найти. А потом суметь запустить. Вот способом этого запуска я и занималась весь последний год. Была уверена, что получится, но результатов — ноль!

— Зуб не растет?

— Да при чем тут зуб! Зуб — это так, для примера! У меня — кошки. Я собиралась менять окрас. Ты же знаешь, как это работает у кошек.

Последнее было не вопросом, а утверждением. Кошек Дмитрий любил, разбирался в них и одно время даже разводил. С тех насыщенных, хотя и слегка сумасшедших лет в доме остались на постоянное жительство британцы Тофсла и Вифсла.

— К примеру, разноцветный окрас, «торти». Пятна располагаются случайным образом... ну, ты в курсе. Вот

на изменении этой случайности я и собиралась построить эксперимент.

— Вывести белых кошек в черный и оранжевый горошек? — В голосе Дмитрия послышалась улыбка.

— Да хоть бы одну горошину! И не вывести! В в том-то и дело! А взять взрослую кошку, подподвести электроды к специальным областям мозга и с их помощью передавать «программу». Буквально — надеть на голову шлем с электродами, включить — и кошка понемногу начинает перекрашиваться. Хоть в горошек, хоть в полосочку. Два года занималась теорией. Шлем сама разработала, потому что существующие не подходили. Комбинацию и частоту сигналов. На бумаге — все должно работать. Хоть убей, не пойму, что же я упустила!

— Знаешь, Лен, — задумчиво сказал Дмитрий, — если продолжать сравнивать человека с неким сложным компьютером... Вот есть в нем, допустим, определенные программы, которые работают автоматически, с минимальным вмешательством пользователя. Другие пользователь должен запустить сам, а дальше они уже на автомате. Но если ты программист, то можешь многие программы менять или запускать вручную тогда, когда нужно, с другими параметрами. Я очень поверхностно сейчас объясняю, конечно, но суть вот в чем... Перед тем как запустить программу заново, с новыми параметрами, мне нужно как минимум остановить ее работу. Нельзя вносить изменения, пока программа работает. Может быть...

Елена Витальевна резко села на постели.

— Ты гений, Дим, — сказала она, уставившись в пространство перед собой.

Во все подробности проекта были посвящены лишь трое: Таня, Миша и Денис. Таня с Мишей были младшими научными сотрудниками, Денис — аспирантом; все трое были лояльны к заведующей и имели причины не любить Деньжинского. Елена Витальевна не первый год заведовала лабораторией и, когда надо, могла описать проект словами настолько общими, что за ними легко угадывалось все, что угодно, кроме того, что делалось на самом деле. Однако надежды на то, что Деньжинский недооценит увиденное, было маловато.

— Елена Витальевна уже пришла? — спросил Миша.

— Она у себя, с Денисом. Может, не надо отрывать? Пусть закончат, они последнюю модель шлема обсуждают.

— Что обсуждать! Все давно обсудили, испытывать пора.

— Нам легко говорить, — вздохнула Таня, — а Елена Витальевна, если что, за все отвечает.

Не зря именно эта троица оказалась вовлеченной в проект. Миша, которого уже год как пыталась зазвать к себе крупная фармакологическая компания, изрядно помог Елене Витальевне в выведении формулы того самого вещества, инъекция которого, по выражению Дмитрия, «останавливала программу и давала доступ в систему». Денис, в школе увлекавшийся радиотехникой, был главным по шлемам с электродами, которые приходилось разрабатывать чуть ли не заново для каждого вида животных. Таня увлеченно программировала — составляла наборы электросигналов, включавших ту или иную генетическую программу. На будущее она ставила себе амбициозную цель — научиться не просто запускать существующие в ДНК программы, но и писать свои.

— Признавайся, — поддразнивал ее Денис, — ты просто мечтаешь о собственном салоне красоты нового образца. Представляешь, какой успех: любое разумное изменение внешности без хирургического вмешательства! Дамы повалят толпами!

— Смейся, смейся, — отвечала Таня, — будущее за нами, биопрограммистами! А самыми частыми клиентами в таком салоне наверняка будут не дамы.

— Мужчины меньше парятся по поводу своей внешности, — возражал Денис.

— Это смотря какой внешности, — хитро улыбалась Таня. — Судя по спау, который я получаю через день, кое-какие перемены были бы весьма популярны. Так что нечего, как говорят англичане, швыряться камнями, если живешь в стеклянном доме.

Денис шутливо поднимал руки вверх и возвращался к работе. Последний шлем не зря делался еще более тщательно, чем предыдущие.

Опыты по перекрашиванию кошек были в числе первых успешных и завершились около двух лет назад. С тех пор в клетках лаборатории успело побывать множество разных животных; последними — очаровательные шимпанзе Чак и Чан. Опыты с ними были удачными, и теперь все участники проекта с волнением ожидали решения Елены Витальевны. Возможны два пути: либо публикация на данном этапе (а, видит бог, материала хватило бы на десяток диссертаций), либо следующий логический шаг в испытаниях. Все трое, уверенные в успехе, не раз предлагали себя в качестве объектов, но Елена Витальевна колебалась.

Поразмыслив, Миша решил повременить с рассказом до обеда и собрался было вернуться к работе, но тут постучали в дверь. На пороге стоял Деньжинский.

— Здравствуйте, эээ...

— Михаил Степанович, — напомнил Миша.

— Здравствуйте, Михаил Степанович. Разрешите?

Не впускать в лабораторию заведующего соседней лабораторией — значит нарываться на неприятности. Миша посторонился.

— Интересно, интересно, — бормотал Николай Семенович, неторопливо шагая вдоль клеток. — Интересные вы тут выводите породы, однако. Очень интересно, да-да... Я и раньше слышал, что Елена Витальевна очень увлечена кошками. Что же, и о кошках тоже кому-то надо думать, не все же о людях.

Таня открыла было рот, но тут же снова закрыла. Деньжинский крайне редко говорил то, что у него на уме, — слова могли быть попыткой заставить сотрудников начать оправдываться и при этом случайно выдать нужную ему информацию. Миша тоже молчал.

— Ну что же, — продолжил Деньжинский, — спасибо, молодой человек, за эту небольшую экскурсию. Я и думать не мог, что Елена Витальевна достигла таких успехов в... м-да. Всего хорошего! — И, улынувшись на прощание, он вышел за дверь.

Молодые люди переглянулись.

— Пожалуй, я их все-таки оторву от работы, — поднялся с места Миша.

Таня кивнула:

— Он явно что-то задумал, но что?

— Ясно что, — устало сказала Елена Витальевна три не-

ФАНТАСТИКА

дели спустя. — По институту ходят слухи, что я впустую расходую деньги и время сотрудников на дурацкие гламурные проекты по перекрашиванию кошек. И даже слух о том, что я планирую грандиозное мошенничество, перекрашивая генетически бракованных породистых котят и потом продавая их втридорога.

— Идиоты! — фыркнул Денис. — Они себе представляют, сколько будет стоить такая «перекраска» даже для одной кошки? Дешевле целый питомник купить!

— Ну, этот слух на научном совете никто и не примет всерьез, — пояснил Миша, — это для создания, так сказать, подходящей атмосферы.

— Совершенно верно, — кивнула заведующая. — Деньжинский хочет попытаться урезать мне финансирование, чтобы выгадать срок и поставить за это время свои эксперименты. У него это все равно не получится, но он наверняка думает, что попытаться стоит. Либо хочет вынудить поспешную публикацию и тогда уж подхватить с того места, где мы остановились.

— Елена Витальевна, — негромко сказал Миша, — мы уже обсуждали, я все понимаю и не тороплю вас, но ведь это решило бы все проблемы!

Елена Витальевна, поколебавшись, кивнула:

— Да, вынуждена признать, что вы правы, Миша.

— Бросаем жребий? — немедленно вскинулся Денис.

— Нет. Я с каждым поговорю индивидуально. И приму решение.

Какой именно эксперимент ставить, было решено давно. Оставалось внести в программу поправку с расчетом на индивидуальные особенности организма, и Таня немедленно этим занялась. Миша чувствовал одновременно и страх, и радость и заранее теребил языком то место, где год назад рос коренной зуб.

— Танюш, — посмеивался Денис, — вот тебе отличный шанс попробовать себя в качестве — как ты там говорила? — биопрограммиста, да? Представь себе, что у Мишки на этом месте вырастет огромный вампирский клык! Ему бы пошло, а резонанс какой!

— Не мешай, — серьезно отзывалась Таня, — и помни, что и твоя очередь настанет!

— О, со мной все просто! — Аспирант похлопал себя по рану начавшей лысеть макушке. — Можешь выращивать любого цвета, лишь бы не в клеточку, как у Машки.

— Штрихпунктир, как у Пушка, тебе больше подойдет?

— А что? Такой авангард! А сама-то ты, Тань, что соберешься выращивать, когда твоя очередь наступит, а? Зубы у тебя все на месте, ты говорила. Или удалишь ради такого случая?

— Делать мне больше нечего.

— Так что же?

Таня, не поднимая глаз от бумаг, осторожно положила карандаш на указательный палец и покачала его, как качели. Подвинула немного, добываясь равновесия.

— Почку, — сказала она.

Воцарилось молчание.

— Тань, ты серьезно? — негромко спросил Миша.

— Совершенно. У меня трансплантат. Поставили два года назад — помните, я отпуск брала по здоровью? Средний срок жизни у них, если от постороннего донора, — порядка девяти лет. Плюс-минус. Я бы очень хотела успеть. Трудно найти другой трансплантат, да и шансов на успех во второй раз меньше.

Таня говорила спокойно, и от этого ее собеседникам было еще жутче.

— Тань!.. — Денис едва ли не впервые за все время их знакомства выглядел абсолютно серьезным.

— Не надо, ребята. Я с этим с десяти лет живу. Привыкла. Ко всему привыкаешь. Я бы не стала рассказывать, но все равно ведь придется, если... — Таня поднялась из-за стола и, обойдя остолбеневшего Дениса, молча направилась к двери.

Миша нагнал ее в коридоре у лестницы.

— Тань, я только хотел сказать, что мы успеем, непременно успеем!

— Я тоже так думаю, — кивнула девушка. — Время у меня еще есть. Было бы здорово перестать пить иммунодепрессанты, знаешь. Конечно, начинать с меня неразумно: это слишком сложный эксперимент. Скорее всего, одну почку придется удалить, чтобы освободить место. Надо договариваться с клиникой, врачами. Да и вообще, мы ведь ничего подобного не пробовали на животных. В общем, мы пока явно не готовы отращивать новые внутренние органы, хотя неплохо было бы потрясти общественность таким результатом! — Таня улыбнулась. — Ладно, извини, Миш, я тут покурю. Ты иди, я скоро вернусь.

«Ты же не куришь!» — хотел было сказать Миша, но прикусил язык.

Таня стояла возле полок с дисками и с удовольствием смотрела на коллекцию программ, созданных за четыре года. Разумеется, тут были не только ее работы, но к большей части она так или иначе приложила руку.

За спиной, скрипнув, приоткрылась дверь.

— Танечка, — вкрадчиво произнес Деньжинский, — добрый день. Как продвигается работа?

— Спасибо, неплохо, — отозвалась Таня.

— Поздравляю вас! Мне говорили, вы диссертацию защитили? В добрый путь, в добрый путь!

Пожелание «в добрый путь» по поводу защиты докторской легко можно было принять за издевательство, но вряд ли оно было намеренным. Деньжинский, как-никак, пришел просить об одолжении. В последние два года почти весь институт неофициально пользовался появившимся в его стенах изобретением для всяческих несложных процедур. То зуб вырастить, то зрение улучшить. Исправление близорукости, впрочем, давало лишь временное улучшение: вскоре она возвращалась и быстро прогрессировала до прежнего уровня. Видимо, была заложена генетически. А вот дальность зрения уходила если не навсегда, то надолго.

Елена Витальевна сперва хотела запретить все это, но потом махнула рукой и только заставляла желающих подписывать соответствующие документы, оформляя бумаги как на добровольцев для экспериментов. Самой сложной операцией было сращение перелома — но уже через две недели пациенту сняли гипс к изумлению лечащего врача. До новой почки, конечно, еще не дошло, но Таня теперь и вправду не сомневалась, что они успеют вовремя.

— Зуб? — поинтересовалась Таня.

— Зуб, — кивнул Деньжинский.

Таня протянула папку с бумагами:

— Заполните, пожалуйста.

— Ну, Та-а-а-нечка, — умильно протянул тот, — неужели это обязательно, между своими-то?

— Увы, Коленька, — злорадно улыбнулась Таня, наблюдая, как у собеседника исказилось лицо, — абсолютно обязательно. Заполняйте, я пока найду программу. Какой зуб-то?

— Верхний правый клык, Татьяна Сергеевна. — Иногда Деньжинский умудрялся понимать намеки.

Таня привычно потянулась за диском «Зубы». Вставила в дисковод, краем глаза глянула на склонившегося над бумагами Николая Семеновича и вдруг открыла папку с программами, над которыми работала вчера. Чуть помедлила, затем улыбнулась, и, если бы Деньжинский видел эту улыбку, он, пожалуй, предпочел бы обратиться к стоматологу.

— Все, готово? — спросила она.

— Да, вот, пожалуйста.

— Здесь вы забыли подпись поставить. — Таня протянула неподписанный документ.

Деньжинский скривился, но подписал и даже буркнул что-то вроде «извините».

— Садитесь, — кивнула на специальное кресло Таня, — надевайте шлем. Дайте я проверю... Да, все в порядке. Закатайте рукав.

Она достала из шкафа банку с прозрачной жидкостью и одноразовый шприц, привычно набрала полкубика жидкости и быстрым плавным движением сделала укол в предплечье. Бросив шприц в урну, вернулась к компьютеру и запустила программу.

— Это займет около пятнадцати минут, — проговорила Таня, вставая. — Результаты — в течение недели.

Был вторник.

В пятницу, встретив Таню в столовой, Деньжинский покровительственно улыбнулся и шепнул, наклонившись к ее уху:

— Растет, почти уже вырос... Спасибо вам, милая, выручили...

А утром в понедельник он в ярости ворвался в лабораторию:

— Что это такое! Что вы себе позаяете!

Таня, сидевшая с Машкой на руках, недоуменно подняла брови, а Миша и Денис вытаращили глаза. Рот Деньжинского был закрыт высоко намотанным шарфом, что придавало речи странноватый акцент.

Из кабинета появилась Елена Витальевна:

— В чем дело, Николай Степанович?

— Я уам сейчас покажу, в щем дело! — угрожающе произнес он, снимая шарф.

Изо рта торчал, мешая челюстям сомкнуться, огром-

ный, сантиметра в полтора длиной, клык.

— Что это? — холодно поинтересовалась Елена Витальевна. — Вроде для Хеллоуина рановато?

— Хеллоуин? Рануато? Да я... я вам покажу «рануато»!

— Елена Витальевна, — вмешалась Таня, — я, кажется, понимаю. В прошлый вторник Николай Степанович предложил себя в качестве добровольца для одного из наших экспериментов. Похоже, что эксперимент не очень удачен, хотя результат неожиданный и любопытный. Необходимо задокументировать.

— Что значит неожиданный? — уже не так громко спросил Деньжинский, поняв, что его вопли никакого впечатления не производят.

— При опробовании новых технологий так иногда бывает, — пожала плечами Таня.

— Что значит — новых технологий? Уы же делали это множество раз.

— Мы же научно-исследовательская лаборатория, а не зубокабинет, — пожала плечами Елена Витальевна, — уж вы-то должны это понимать. Мы все время вносим коррективы, проверяем различные комбинации сигналов. В настоящее время пытаемся добиться большей скорости восстановления костных тканей. Я смотрю, нам это удалось, хотя и не без побочного эффекта.

— Поочного зукта? — переспросил Деньжинский, с трудом стараясь придать себе грозный вид.

— Как видите. Впрочем, не переживайте. Мы понаблюдаем вас около месяца, после чего этот зуб можно будет удалить, а вам в порядке исключения вырастим новый — по прежней, проверенной технологии.

— Меяз?! Да я его завтра удалю!

— Простите, Николай Семенович, — Елена Витальевна приподняла брови, — это совершенно исключено. Вы

ФАНТАСТИКА

же подписывали документы — значит, должны были читать. Нам необходимо исследовать данный побочный эффект. Разумеется, вы можете нарушить подписанное вами обязательство, не обращаться же нам в суд, но вряд ли в этом случае мы сможем выделить время и средства на то, чтобы вырастить вам другой зуб. Да и ваше участие в дальнейших экспериментах будет, как понимаете, исключено. Что же касается бытовых сложностей, то вы не волнуйтесь — мы обеспечим жидкостную диету, если понадобится, будем вводить глюкозу внутривенно...

После того как за рычащим и истекающим слюной Деньжинским захлопнулась дверь, Елена Витальевна уточнила:

— Он все подписал, что положено?

— Да, — кивнула Таня. — Спасибо, Елена Витальевна.

— Пожалуйста. — Начальница развернулась и, направившись в свой кабинет, бросила: — Только предупреждать же надо!

Таня улыбнулась, поглаживая Машку между ушами. Черными ушами в мелкий белый горошек.

